

Лобовой удар

Чёрная морда мощного «Ленд Крузера» оскалилась навстречу, грозно рыча, возвышаясь над жалкой синей «десяткой», в которой стремительно искажался и серел лицом Иван Фёдорович, очень быстро и отчётливо превращаясь в чёрно-белую траурную фотографию самого себя.

Всё случилось во вторник и так неожиданно! «Крузер» выскочил на жёлтый, как и «десятка» Ивана Фёдоровича, - только с другой стороны перекрёстка, навстречу. Оба спешили. Мне не ведомо, куда поспешал водитель «тойоты», а Иван Фёдорович торопился к жене, в больницу. На заднем сиденье лежал пакет с тройкой апельсинов, парой яблок, коробкой сока и бутылочкой «Дымовской». Нет-нет, водка предназначалась не жене — её Иван Фёдорович взял для себя, чтобы хоть как-то скрасить вечернее одиночество.

Когда «крузер», бессмысленно взвизгнув тормозами на мокром асфальте, присосался к десятке поцелуем (впрочем, не без отвращения, надо сказать), Иван Фёдорович стукнулся лбом о лобовое же стекло. Удар был не очень сильным, но бедняга тем не менее потерял сознание.

От этого ещё никто не умирал, - скажете вы. Иван Фёдорович тоже умер не от этого. Умер он от того, что в момент удара карамелька «Фруктовый микс» (кондитерская фабрика «Рот Фронт») скользким камешком шмыгнула изо рта в горло — в трахею — и перекрыла дыхание. И пока сознание Ивана Фёдоровича находилось по ту сторону, его организм, находившийся по эту, тихонько умер от удушья...

Пришёл в себя Иван Фёдорович в чистом поле. Терпко пахло свежескошенным сеном, тревожно — надвигающейся грозой, сладко — киззяками, и задушевно — типичной Российской глубинкой. Но не раем, точно. И уж тем паче — не адом.

Немного удивлённый обстоятельствами Иван Фёдорович, против всех законов физики и жизни, глубоко вдохнул свежий полевой воздух и кашлянул. Из трахеи вылетела карамелька «Фруктовый микс», ударилась в передние (вставные, увы!) зубы и сладким голышом скользнула под язык. Иван Фёдорович ничего не имел против. Он причмокнул, языком перебрал конфетку за щеку и осмотрелся в поисках хоть какого-нибудь ориентира.

Не было вокруг никаких ориентиров, если не считать четырёх сторон света, названия которых он, разумеется, знал, но вряд ли они могли чем-то помочь. Ориентирование по звёздам не входило в сферу интересов Ивана Фёдоровича, поэтому он махнул рукой и выбрал направление по ветру. Очень типичное для Российской глубинки направление.

«Хорошо гулять по свету, с карамелькой за щекою» - напевал он себе под нос, споро шагая по пружинящему травяному коврику.

«Хоть по этому свету, хоть по тому — лишь бы карамелька была вкусная» - добавлял речитативом. Настроение было неожиданно хорошим.

Долго ли он шёл, коротко ли, а только ничего в пейзаже не менялось: степь да степь кругом. А где-то вдалеке — на западе, что ли, - уже спастически дёргались в небе оголённые нервы молний и бронхитисто покашливал гром. И совсем уж было решил Иван Фёдорович, что придётся ему ночевать в широкополье, под грозой, где-нибудь в стогу, как вдруг увидел на горизонте пятнышко неяркого света от одинокого костра.

Он прибавил шагу, напевая громче и жизнерадостней, и буквально в четверть часа добрался до просёлочной дороги, на обочине которой, чуть в стороне, приютилась небольшая палатка. Ещё чуть дальше, в неглубокой ямке, разложен был костёр, над которым закипал прокопчённый долгим употреблением чайник. Рядом стояли две алюминиевые кружки.

У костра задумчиво смотрел на огонь неприметного вида человек и, кажется, наслаждался одиночеством и погодой. Это был Бог.

Иван Фёдорович в Бога не то чтобы яростно не верил, но сомневался, когда задумывался. А задумывался по этому поводу он крайне редко. И тем не менее, кто-то ему сейчас, - какой-то голос в голове, - отчётливо и вполне серьёзно сообщил: а ведь это — Бог!

Иван Фёдорович не преисполнился священного трепета, душа его не возликовала, на колени он не рухнул. В общем-то, были у него основания не очень радоваться встрече с тем, кто одним мановением руки взял и сократил его жизнь до невозможности. Но, к чести его надо сказать, никаких претензий выдвигать он тоже не стал. Он только пощупал шишку от лобового удара, удивился, что ни боли, ни головокружения не чувствует и чуть улыбнулся навстречу непонятному взгляду Господа — то ли вопросительному, то ли добродушно-насмешливому.

Причмокивая карамельку, Иван Фёдорович неловко кивнул и подсел к костру.

- Пришёл? - спросил Бог без всяких предисловий, словно только его, Ивана Фёдоровича, и ждал сегодня весь день.

- Да вот, - пожал плечами Иван Фёдорович. - Не думал, не гадал.

- А оно так обычно и бывает, - кивнул Господь, неторопливо раскуривая простецкую деревянную трубку, пыхая сизым дымком, который тут же уносился бризом вслед за дымом костра. Пахло чем-то церковно-ароматным, нежным и вдохновенным, как трепетная девичья молитва.

- Сладкое, стало быть, любишь? - произнёс Бог, раскурив наконец люльку. И бросил быстрый взгляд на провисшее мокрым лоскутом поздневечернее небо. - Дождь будет.

- Люблю, - признался Иван Фёдорович. И усмехнулся: - «Сладкая» смерть у меня была.

Господь гоготнул, покивал:

- Ага. - И добавил задумчиво: - Но, я тебе скажу, бывает и слаще.

«Да он совсем простой мужик! - благодушно подумал Иван Фёдорович. - А я его другим представлял».

Хотя, честно говоря, Иван Фёдорович Бога вообще не представлял, или представлял крайне редко и довольно абстрактно. Метафизических размышлений был он не любитель — он больше по технике специализировался. Страстью его были машины, а в церковь он если и ходил, так это пару раз, когда жена посылала за святой водой, на Крещение. Тем не менее, при входе за церковную оградку, Иван Фёдорович шапку снимал, смущённо поглядывал на образа и чувствовал себя странно и как-то ненатурально...

Перебивая думы и воспоминания, внутренний голос шепнул ему: «Ты поосторожней с мыслями-то! Он ведь всё видит».

Иван Фёдорович спохватился, бросил на Бога испытующий и смущённый взгляд. Но Бог если и видел всё, то виду не подавал. Сидел себе, покуривал трубочку да смотрел задумчиво в огонь.

- Водку жалко, - вздохнул Иван Фёдорович совершенно не к стати.

- А? - не понял Бог.

- Водку, говорю. В машине осталась. Сейчас оприходовали бы, за знакомство-то. Или ты, поди, не пьёшь?

- Отчего же, - просто ответил Господь. - На Пасху или, там, на Рождество — очень даже. Ну, и у костра, на природе, водочка тоже ничего.

- Ага! - обрадовался Иван Фёдорович пониманию. - Мы, вот, с Петром как на рыбалку соберёмся, на Гривку, к затонам... Костерок разведём под ушицу и-и... А какие там кузнечики — это ж удивление одно!.. А дрозды, дрозды-то чего вытворяют, ты бы послушал!.. А то, слышь, давай с нами, в пятницу, если...

И тут вдруг, разом, осознал Иван Фёдорович всю страшную правду своего теперешнего положения и сразу осёкся, замолчал. Защипала глаз горячая слеза понимания того, что всё кончилось, и никогда уже ничего не будет: ни ушицы, ни водочки, ни запаха карбюратора, ни хозяйственного голоса жены, диктующей список покупок, ни холодного ручья поутру, ни дроздиной вечера. «Фруктовый микс» утратил весь свой лимонно-жизнерадостный вкус, оборотившись химически-ненатуральным смертоносным сплавом.

Бог конечно понял нахлынувшие на Ивана Фёдоровича мысли, но ничего не сказал. Только головой покачал раздумчиво.

- Жалеешь? - спросил через минуту.

- Кого? - не понял Иван Фёдорович.

- Себя. Что не дожил - жалеешь?

- А-а, это... А что, бывают такие, что не жалеют?

- Бывают, - кивнул Господь.

Иван Фёдорович пожал плечами.

- Да чёрт его знает... - брякнул он и не договорил, спохватился. - Ой, ё-ка-лэ-мэ-нэ! Я хотел сказать... - И, встретив улыбающийся Господень взгляд, совсем стушевался, махнул рукой: - В общем, ты и сам всё знаешь.

В лысину ударила первая тяжёлая капля; не отразилась равно углу падения — обратилась сотней влажных пылинок. Иван Фёдорович поднял к небу лицо, принял на бровь вторую каплю.

Похолодало. Пронёсся по лугу вспугнутым зайцем ветер. Дрогнула молния, вцепилась в небо, дёрнула, отрывая ломоть. Кусок небесный рухнул вниз громом, упал на землю; приминая травы, покатился по лугу — пыхтя и ухаля, подпрыгивая на кочках. В зияющую небесную рану устремилась непроглядно чёрная, даже на чёрном небе, туча — заволокла, затянула, покрывая клубящейся пеной.

- Эх, спрятаться бы, что ли, - недвусмысленно произнёс Иван Фёдорович, неуютно поёжившись, бросив быстрый, но многозначительный взгляд на палатку.

- От кого? - спросил Бог.

- Так это... - удивлённо взглянул на него Иван Фёдорович. - От дождя же.

И тут — началось!

Гром рявкнул так, что рык его ощутимо надавил на плечи, прижимая к земле. Ветер уже не зайцем, а разъярённым драконом пролетел над полем, укладывая травы по-своему, меняя земле причёску. Молнии запольхали одна за другой, пугая: казалось, что свод небесный лопается, трещит по швам, рвётся в лохмотья с неровными обдёрганными краями. Дождь не пролился даже, а упал с неба — тяжёлым промокшим покрывалом.

Иван Фёдорович невольно приклонился к земле, накрывая голову руками, приготовившись быть в одну секунду промоченным до нитки.

Но странное дело — больше ни одной капли не упало ни на него, ни в костёр, который продолжал гореть жарко и ровно, словно не было вокруг ни ветра, ни ливня, и вообще никакого разгула стихий. И палатка стояла сухая и спокойная.

- Это как же? - успел удивиться Иван Фёдорович, прежде чем до него дошло: Бог ведь рядом, какие уж тут стихии.

- Лихо! - произнёс он вслед ушедшему удивлению. И добавил: - Хорошо быть богом!

Господь неторопливо улыбнулся наивному человеческому восторгу.

- А правда, - задумался Иван Фёдорович. - странное дело... Я вот, прости, Господи, никогда особо о тебе не задумывался. Ну есть ты, нет тебя — не всё ли мне едино. Мне бы с «десятой» моей разобраться да с жёнущкой неугомонной... А тут — ты...

- А тут — я, - повторил за ним Господь, словно пробуя мысль на вкус, смакуя.
- Угу. И всё про меня знаешь. Всё ведь?
- Всё, - просто пожал плечами Бог.
- Ох, мать честная! - Иван Фёдорович даже поёжился. - Это же... ужас! Не хотел бы я быть на твоём месте.

Господь грустно улыбнулся, ничего не сказал.

- Нет, с одной стороны — хорошо, - раздумчиво продолжал Иван Фёдорович. - Дождь, вон, тебя не мочит... Молния не вдарит сроду... Живёшь, опять же, вечно. И нет ничего невозможного. Нет?

- Нет.

- Угу. А с другой-то стороны... Это ж какую уйму людей тебе надо услышать, сохранить и спасти! Одному... Тяжело?

- Привык, - коротко ответил Бог, выбивая трубочку в костёр.

- Не-е, - недоверчиво протянул Иван Фёдорович. - Как тут привыкнешь. Мне, вон, моя иной раз, вечером, на кухне, после стопарика, как начнёт в грехах своих каяться, обсказывать всё... А я ей говорю: не, Сергевна, ты это, давай-ка, я лучше не буду слушать. И мне, - говорю, - спокойней, и тебе потом стыда не будет. Да и надо оно мне — чужие грехи нянчить? Со своими не знаешь чего делать...

- Так ты б не грешил, - вставил Бог. - Чего проще-то.

- А?.. Ну ты скажешь, тоже... Тебе легко говорить, ты — безгрешен. А тут не знаешь, с какой стороны вдарит.

Гроза не унималась. Гром то исподволь погромыхивал, то ревел канонадой. Ветер метался и плясал вокруг, грозил поднять и унести, но сделать ничего не мог. Над головой, до самого неба, столбом стояло свободное от дождя пространство, в которое ни одна капля не смела залететь. Молнии низверзались на землю падшими ангелами; земля отвечала вздохами и, казалось, дрожала уже — до того была наэлектризована.

Странно это было, очень странно — сидеть на сухом и тёплом пяточке, у костра, в то время, как мир вокруг будто разрушался, падал в тартарары, проваливался в бездну несотворённости.

А Бог снял с огня засвистевший чайник, отставил в сторонку, подул на пальцы. Потом разлил по кружкам кипяток, протянул одну Ивану Фёдоровичу.

«Пакетик бы чаю, - подумал тот. - С бергамотом. Чего ж простой кипяток-то глыкать».

Однако, приняв из рук Господа обжигающую кружку, сразу уловил парящий горячий аромат чая. Или не чая. Сбора ли какого. Но пахло очень сладко и на всю ивановскую.

«Ну да, - кивнул он своим мыслям, - ему что вино из воды сделать, что чай... Мне бы так-то. «Дымовская», вон, в машине осталась похоронена...»

Воспоминание о водочке кольнуло в подреберье. Замелькали в голове картинки прошлого, которое теперь было таким далёким и невозвратным. Явились мысленному взору исполненные укоризны глаза жены. Услышался плач дочери. Заскрежетал в ушах подъёмник эвакуатора, взграмаздывающий на платформу покорёженную «десятку».

Всё кончилось, всё! Как будто и не было. А и было ли оно на самом деле?..

- Вернул бы ты меня обратно, а? - неожиданно для самого себя и беспокойно произнёс Иван Фёдорович. - Жену мне выходить надо. Дочь в сентябре родить должна. Говорят, сын. Внук, значит, у меня будет. Дача вечно не достроена. Кот у меня, Понтием кличут... А?

- Так а я что ж, - пожал плечами Бог. - Это ты сам решай.

- В смысле? - удивился Иван Фёдорович. - Ты ж меня прибрал.

- Не прибирал я тебя.

- Так мы чего, не в раю?

- А ты прямиком в рай нацелился? - улыбнулся Господь. - Нет, не в раю.

- А где?

- Здесь, - развёл руки Бог. - На распутье.

- О как...

- Ага. Пойдёшь налево — коня потеряешь, пойдёшь направо...

- Да и ладно бы с ним, с конём-то, - махнул рукой Иван Фёдорович. - Хотя, жалко «десяту» мою. Я ж с ней... Эх!.. Ну да ладно, лево-право, право-лево... Ты скажи, куда идти, чтобы себя не потерять.

- Всё-то вам скажи да подскажи, - проворчал Бог. Незлобно и не в сердцах, впрочем.

- Ну, так ты ж это... Мы ж дети твои, вроде как.

- «Вроде как...» - повторил Господь и покачал головой. - Прямо иди. Это лучше всего, чтобы себя сохранить.

- Ну, это я и сам знаю, - поморщился Иван Фёдорович. - Это все так говорят. Господь пожал плечами: так а чего ж тогда спрашиваешь-то...

Помолчали, слушая грозу. А гроза говорила много, торопливо и сбивчиво. То бормотала что-то себе под нос, то раздражалась вдруг длинными и громкими громовыми тирадами. Пришепётывал что-то дождь. Вздыхал и сопел ветер.

И, несмотря ни на что, была в сердце какая-то благодать. И уютно было, будто не в чистом поле пережидает грозу, а в осенней сторожке — попиваешь чаёк с сахарком вприкуску да поглядываешь в оконце. И просишь гром потише, чтобы поющего сверчка не заглушал напрочь.

Иван Фёдорович прихлёбывал горячий напиток, от которого на душе стало ощутимо легче. Может, он, этот Божий чаёк, грехи с неё смывает?

Или, прости господи, отшибает чувствительность — подготавливает к переходу на тот свет?

Ой, нет, нехорошая это мысль! Разве станет Он так с людьми...

- Кто же ещё подскажет-то, - вернулся Иван Фёдорович к разговору, взглянув на дерзкий молниевый выплес у горизонта. - Ты же это... один у нас всеведущий и всевидящий. Пока ты есть, кого ж ещё...

- Нет меня, - перебил Бог.

- В смысле? - не понял Иван Фёдорович и даже чай чуть не пролил.

- А какой тебе ещё смысл, - грустно улыбнулся Господь. - Правы были атеисты.

Нет меня.

- Постой, постой! - всполошился Иван Фёдорович. - Какие к чертям атеисты?! Что значит «нет меня»?! Ты бог или не бог?

- Бог.

- Ну. Ты сидишь в раю или не сидишь?

- Не сажу. Ушёл я из рая.

- Куда это? - изумился Иван Фёдорович. - Где ж ты теперь?

- Здесь, - повёл взглядом вокруг Господь. - На распутье.

- Эвона как... - Иван Фёдорович похлопал себя по карманам в поисках карамельки. Но карамелек больше не было. Поэтому он только покачал головой и повторил: - Эвона как...

И спросил через минуту, испуганно:

- И кто ж теперь всем заправляет?

- А никто, - просто ответил Бог.

- То есть? Значит, бабульки по церквам молятся тебе, а тебя — нет?

- Нет.

- Весело!.. А Завет как же?

- Понимаешь, - пожал плечами Господь, прихлёбывая чай, - время такое пришло... Переосмыслить надо многое, понять.

- Хм... Неправильно это как-то.

- Я уж и сам не знаю иногда, что правильно, а что — нет. Устал я.

- Ну, ты это... назвался груздем...

- Да знаю я, - перебил Бог. - Над новым Заветом думаю, в общем.

- Новым? А старый куда ж? Это, стало быть, конца света не предвидится пока?

- Не предвидится, - кивнул Господь. - Не готовы вы ещё.

- Это хорошо, - кивнул Иван Фёдорович, возвращаясь к чаю. - Дача у меня недостроена вечно. А тут Машка в сентябре родить должна. Внук, понимаешь, у меня будет, хе-хе... А так-то и мы с Сергеевой отчебучить можем молодца или молодуху ещё одну. Я уж ей давно говорю: слышь, Сергеевна, а не сообразить ли нам...

И тут снова накатило на забывшегося Ивана Фёдоровича осознание необратимости процесса. Взгляд его стал тоскливым и отрешённым.

А Господь отставил кружку, поднялся неспешно, взял старенький, оглаженный бесконечностью времени, посох, лежащий у костра, посмотрел на Ивана Фёдоровича задумчиво.

- Пойдём, что ли, - сказал негромко.

- Это куда? - испугался Иван Фёдорович, спешно доглатывая чай. И тут же пристыдил себя за страх. Бог ведь рядом — неужели чего плохого ждать!

- Довежу тебя до перекрёстка.

- Опять перекрёсток, - поморщился Иван Фёдорович. - Я — вот только прибыл с одного... Чёрт меня дёрнул на жёлтый!..

- Ну а что делать, - улыбнулся Бог. - Это только в ад всегда зелёный свет и дорога проторена.

- Неправильно это, - вздохнул Иван Фёдорович, поднимаясь, поглядывая на бушующую вокруг стихию. Гроза хоть и унималась, вроде, однако дождь был ещё плотный — ни тропы не видать, ни вообще на пять шагов вперёд. Где тут найдёшь перекрёсток...

- Всё-то вам неправильно, - проворчал Господь. - Взяли бы да сделали как надо.

- Кто ж его знает, как надо-то, - смутился Иван Фёдорович.

А Бог уверенно, хотя и неторопко, двинулся вперёд. И гроза расступилась перед ним, дождь будто упал на колени, молитвенно преклонив голову. И только травы роняли влагу на сандалии Его и край белых одежд.

Иван Фёдорович пошёл следом, не переставая восторгаться всемогуществом Божиим.

Идя сзади, след в след, он, любопытства ради, качнулся в сторону и вытянул руку в дождь. Но дождь, словно предвидя его детскую выходку, тут же изменил направление, и ни одной капли не упало на подставленную ладонь.

«Тоже как-то не очень, однако, - подумал Иван Фёдорович. - Вроде как перебор».

И тут же укорил себя за привередливость: «И правда, не угодишь на нас: и так не саяк, и этак об косяк. Трудно ему с нами, ох трудно! Не хотел бы я быть богом».

Молча и как-то незаметно, минут за двадцать, дошли они до перекрёстка, где выходила тропа на неширокую просёлочную дорогу, посыпанную гравием и оттого только не увязшую в грязи.

Тут Бог остановился, повернулся к Ивану Фёдоровичу, развёл руками.

- Вот, - сказал он. - Твой перекрёсток. Дальше — сам.

- А куда идти-то? - струхнул Иван Фёдорович, неуютно оглядываясь по сторонам и представляя, с какой радостью гроза наконец-то примет его в свои объятия. Не было видно по сторонам ни зги — только кусок дороги, а дальше — сплошной стеной стоял дождь.

- Так прямо же, - улыбнулся Господь. - Всё прямо и прямо. Пока не придёшь.

- Куда?

- Откуда ж я знаю, куда ты хочешь. Ты как дитя, право слово. Полжизни прошёл, а доселе не определился, куда идёшь.

- Прости, - понурился Иван Фёдорович.

- Бог простит, - пошутил Господь. И показал налево: - Если дальше хочешь идти, то тебе туда. А если обратно решил, то, - кивнул направо, - в эту сторону шагай.

- А можно — обратно-то?

- Ох... - вздохнул Бог. - Уйду я от вас. Насовсем. Живите как знаете.

- Прости, - заторопился Иван Фёдорович. - Я ж первый раз в такой ситуации. Ты ж, поди, тоже не всегда... ну, это...

- Да ладно, - отмахнулся Господь. - Ступай, в общем.

- Ага, - кивнул Иван Фёдорович. - Только ты это... не оставляй меня, а? Ну, в смысле, хоть иногда направляй, куда следует. Я ведь не очень чтобы... В смысле, с горяча-то могу такого наvertеть... Ну, ты знаешь.

- Угу, - улыбнулся Бог.

- Не оставляй! - попросил Иван Фёдорович, боясь, что Господь в ироническом смысле улыбнулся. - А то, может, правда, приходи к нам, на Гривку? Посидим с

удочками. Я тебя с Аркадьичем познакомлю. Покалякаем о том, о сём. А? Ну? Третьим будешь?

- Где двое или трое соберутся во имя моё, там и я среди них, - улыбнулся Бог.

- Ага. Ну, лады!

Иван Фёдорович поколебался немного, протянуть ли Господу руку. Но как-то неправильно это выходило — по-простому слишком, земно. Дёрнулся было хлопнуть по плечу, да вовремя остановился — ещё того лучше, совсем сбрендил!.. Наконец, так и не решившись, подумал сказать простое человеческое «Ну, бывай, что ли!», но язык почему-то сам, против воли хозяина, молвил:

- Благослови, Господи.

И вдруг перехватило дыхание, голова склонилась, и что-то горячее и живое разлилось по сердцу, когда персты Его коснулись чела. Душа, видать, возвращалась в свою обитель.

- Благ будь, человеке, - донеслось будто издалека.

Иван Фёдорович закашлялся, выпучив глаза — едва не поперхнулся карамелькой «Фруктовый микс». Ударил по тормозам. И вовремя. Потому что уже загорелся красный. А на перекрёстке вдруг, суматошно взвизгнув покрывками, вылетел на встречную мордатый «Ленд Крузер», извернулся, вывернулся, захрипел, царапая бампером мокрый асфальт, намереваясь превратиться в жука, завалившегося на спину и не могущего подняться...

Кузнечики надрывались в лугах так, что казалось, где-то поблизости работает косилка. В подобравшейся к затону притихшей роще, как певчие на клиросе, начинали вечернюю распевку дрозды. Ветерок игрался с дымом костра, подмешивал к его душноватой горечи медовую накипь с клевера. Жадных до крови комаров ещё не было — не повылазили ещё.

Уха попевала. Уже и рыбки души, освобождённые от бранных и мокрых тел своих, вернулись в затон, одухотворили смётанную икру — изготовились продолжать кармическую круговерть.

Водка, заначенная в реке, у бережка, почуяла расправу, похолодела от ужаса. Гремели посудой, доставая миски-кружки; кромсали крупными ломтями хлеб, высвобождали из забутовки огурчики-помидорчики, снаряжали чайник, сглатывали слюну.

- А ты чего это? - удивился Пётр Аркадьевич, кивнув на третью кружку, выставленную на скатёрку.

Но Иван Фёдорович смутился почему-то, ничего не ответил. Он только улыбался странно да, пока доходила ушица, всё поглядывал в луга — не появится ли на горизонте неторопкий силуэт с посохом в руках.